

© 2010 г. М.А. Шебанова

РОЛЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОМ РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Роль транснациональных сообществ в судьбе государства видится исследователями по-разному. Согласно распространенной точке зрения, они представляют собой угрозу целостности центрального института, организующего социальную и политическую жизнь общества, и в целом способствуют дестабилизации, эрозии систем социального управления. Вызывает опасение неподконтрольность транснациональных взаимодействий властным институтам. Однако в транснационализме заложен значительный потенциал инновационного и прогрессивного развития социума. С нашей точки зрения, важно изучать конструктивное влияние новейших тенденций в изменениях социальной среды, что позволит правильно использовать их в целях эффективного управления обществом.

Ключевые слова: транснациональные сообщества, космополитизм, трансмигранты, денежные трансферты, трансферты идей и технологий, социально-политические трансферты, импорт-экспорт культурных образцов, новое качество человеческого капитала, транснациональные элиты, технократия.

В последние 20 лет транснациональные сообщества все больше обращают на себя внимание. Этот феномен разносторонне исследуется и концептуализируется учеными – в пространственном, психологическом, экономическом, культурном, политическом измерениях. Рассматриваются различные формы транснациональных социальных взаимодействий. Изучаются психологические параметры членов транснациональных сообществ, главным образом, формирование и усиление идентичностей, конкурирующих с национальными, а также экономические, политические и личные интересы людей, что служит основанием для интеграции в транснациональные социальные пространства. Анализируются более общие предпосылки все более интенсивного формирования различных транснациональных сообществ. Дискуссионным

является вопрос об их роли в общественной жизни. В первую очередь, ставится вопрос о том, в какой степени транснациональные идентичности, связи и пространства укрепляют или бросают вызов существующим структурам, главным образом, государствам. Последствия современной перестройки индивидуального и коллективного сознания для государства и общества оцениваются по-разному. Исследователи констатируют, что транснациональные солидарности граждан вынуждают правительства «включать в повестку новые вопросы, мобилизовать новые группы электората, по-иному формулировать понимание интересов граждан, что приводит порой и к государственным преобразованиям» [1]. Доминирование транснациональных солидарностей становятся, как показывают исследователи, основой космополитического самосознания, проявления которого существовали еще в античности, но только сейчас, а в «передовых» обществах – с начала XX века – и с нарастающей интенсивностью, они начинают реализовываться в практике социальной жизни, чем и продиктован исследовательский интерес и вызваны дискуссии.

Появляется концепция «нового космополитизма», который связывает локальное и глобальное, проникая через границы национальной солидарности. Как пишет современный социолог У. Бек, «у него одновременно есть и корни, и крылья» [2]. Концепция нового космополитизма представлена как синтез различных подходов в гуманитарных науках: в нравственном измерении утверждается индивидуализм, в культурном – «ироническое дистанцирование» от собственной культуры, позволяющее понять и принять многообразие других, в сфере политики говорится о «новой транснациональной структуре политического действия». Д. Хелд связывает это с необходимостью «поддержки международного публичного права как внутри своих границ, так и вне них», и полагает, что это способствует демократизации обществ, поскольку, как он утверждает, «космополитизм включает обязательство работать над установлением международного сообщества демократических государств», что должно способствовать ограничению неконтролируемого насилия в обществах [3].

Общепринято утверждение, что транснационализм на основе утраты значимости национальных идентичностей, принадлежностей, лояльностей ведет к эрозии центральных элементов государств [4], создает угрозы их целостности. Одна из кризисных тенденций видится в том, что государство не справ-

ляется с классической задачей «социальной интеграции» по причине ориентации людей на все более устойчивые транснациональные структуры. При этом некоторые ученые отрицают какие-либо выводы о кризисе. Например, М. Боммес утверждает, что государство выигрывает в ситуации, когда, благодаря транснационализму, снимается задача интеграции населения на основе идеи национальной солидарности: если нет деления на «своих» и «чужих», то происходит интеграция в институциональные структуры государства не своих, а лучших [5]. Многие исследователи транснациональной миграции как одной из важнейших предпосылок формирования транснациональных сообществ отмечают ее позитивное влияние на развитие и укрепление государств отъезда. Социологи утверждают, что в психологическом измерении, вопреки стереотипам, идея «Родины» не теряет смысла, а напротив нередко обретает дополнительный смысл «пространства ответственности» для номадов. Во-первых, это экономические и социальные последствия денежных трансфертов мигрантов, встраивающихся в более развитые экономики. Эти трансферты обеспечивают существенный приток иностранной валюты и во многих государствах значительно превышают прямые иностранные инвестиции. В последние четыре-пять лет к этим денежным потокам возрос интерес со стороны крупнейших финансовых институтов запада: по прогнозам их аналитиков, развивающиеся страны смогут использовать будущие денежные трансферты в качестве обеспечения кредитов на международном рынке ссудного капитала, в силу стабильности их прироста [6]. Как отмечают эксперты, благодаря этим средствам преодолевается бедность, осуществляется финансирование инвестиционных программ, направленных на развитие экономик и социальной сферы. С ростом числа участников транснациональной деятельности возрастает значение коллективных денежных переводов, которые объединяются с правительственными фондами и направляются на усовершенствование местного здравоохранения, образования и санитарных условий, принося пользу в равной степени и семьям мигрантов, и всем остальным жителям [7]. Кроме того, что «трансмигранты» инвестируют в бизнес на родине, через транснациональные сети мигрантов осуществляется трансферт идей, технологических и организационных инноваций. «Например, на Тайване около 50% вновь образованных компаний в крупнейшем научном парке *Hsinchu*, было основано вернувшимися из США

мигрантами» [7]. В целом, результатом активности членов транснациональных сообществ становится возрастающая мобильность интеллекта, описываемая в терминах непрерывной «циркуляции умов».

Трансграничные сети являются также каналом импорта-экспорта культурных образцов. Обсуждая характерное для современного этапа мирового развития освобождение культурного и социального капитала от территориальной референции, ученые констатируют, что эти сферы в большей степени подвержены детерриализации, так как отношения в них максимально символизированы. Это нередко способствует интенсивному обогащению и развитию культур, появлению новых синтетических образцов. Концепция «социальных и политических трансфертов» описывает трансграничный обмен социальным опытом, профессиональными навыками, заимствования механизмов политического регулирования. В целом, через деятельность трансмигрантов в страну отъезда попадают многие достижения экономически развитых обществ. Авторы исследований транснационализма на уровне индивидов и групп предлагают для описания данного феномена концепцию пяти «Т» (либо четырех «Т» [6]): трансферты (денежные переводы), торговля, транспорт, телекоммуникации, туризм [7]. В связи с потребностью выработки новых механизмов взаимодействия государства с транснациональными сообществами появляются альтернативные формы политического участия. Транснациональные организации мигрантов «в сущности, создают параллельные властные структуры» по отношению к традиционному режиму [8]. Это вынуждает государство укреплять отношения и вести особый диалог со своими диаспорами, формулировать принципы «транснациональной политики», объектом которой являются ассоциации мигрантов за пределами национальных границ. К примеру, «в августе 2003 года в конституцию мексиканского штата Сакатекас были внесены исправления, дающие мексиканцам, проживающим в США, и их рожденным там детям возможность баллотироваться в местные выборные органы и работать в органах государственной власти» [7]. Так правительства призывают к национальной солидарности, пересекающей государственные границы.

В описании этих транснациональных процессов формулируются концепции «детерриализации гражданства» и шире – «детерриализации государства», в которой границы определяются социально, а не географически.

Например, явление детерриализации отмечено в исследованиях периферийных зон государства [9]. Социологи говорят о «преимуществе приграничья», зоны, которая, благодаря своему промежуточному положению, оказывается «центром развития», такая «смена статусов и смыслов приграничья» выявляет нарушение привычной логики межгосударственных взаимодействий. «Социальные образования, формируемые в рамках национальных государств, накладываются на экономические, политические, этнические периферии соседнего государства, что фактически разрушает идею о полном совпадении территориальных границ и границ распространения определенной национальной идеи» [9]. В приграничных зонах формируется порядок, который существенно отличается от порядков граничащих государств, у жителей усложняется идентичность и формируется лояльность по отношению сразу к двум государствам – что дает развитие новым формам социальной интеграции. Приграничье становится центром, зоной экономического и социального развития, что требует нового качества политического руководства. Изменения в территориальной организации пространства отмечены и во многих других исследованиях, где учеными подчеркивается снижение роли территориального фактора во взаимодействиях индивидов и групп, и образуемых ими структур. В результате снижается антагонизм в общественных отношениях, утверждается установка на трансграничное партнерство во многих сферах, высвобождая не использованный ранее потенциал развития.

Анализируя взаимодействия государств и транснациональных сообществ, ученые обращают внимание на такую форму социального включения как участие в транснациональных общественных движениях. «Транснациональный активизм», направленный на «преобразование и национального, и глобального политического контекста» [10], во многих аспектах эффективнее в построении диалога власти и гражданского общества и способен обратить внимание на общественные проблемы, требующих решения со стороны государств.

Отдельные исследования транснациональных взаимодействий посвящены тому, как видоизменяется человеческий капитал под воздействием законов транснациональной «физики» - испытывая одновременное влияние нескольких социокультурных контекстов. Можно наблюдать активизацию коммуникаций в обществах, большую открытость людей к изменениям, ощущение

своей способности преобразовывать социальную среду. Новое качество человеческого капитала является стратегическим ресурсом для государств, обеспечивая инновационный потенциал и прогрессивное развитие. Этот потенциал имеет возможность воплотиться как на уровне масс, так и в проектах современных политических элит, также консолидирующихся на основе транснациональных структур и обладающих наиболее мощными рычагами влияния на общественные процессы. На уровне политических элит возможности нового качества человеческого капитала исследует технократическое направление элитизма, в основе которого лежат западные идеи модернизации и прогресса. Согласно сторонникам технократизма, эти принципы развития утверждаются сегодня вне логики национальных границ, преодолевая отсталость традиционных систем. Основопологающей предпосылкой теорий технократии является допущение, что в сложноорганизованном обществе управление может обеспечиваться только профессионалами, специалистами высокого уровня. Таким образом, технологический прогресс связан с существенными изменениями в конфигурации власти. На смену преобладавшим ранее принципам доминирования приходит принцип квалификации, обеспечивающей включенность в транснациональные элитные сети. В результате власть переходит к наиболее передовой, образованной и деятельной межклассовой прослойке, господство которой основывается на колоссальной инициативе и работоспособности.

Усложнение систем социального управления наблюдалось еще в середине XX в., и уже тогда отмечалась тенденция к транснализации практик политических элит, которая описывалась в теории как транзит всепоглощающего модерна. Однако в контексте глобализации транснациональные связи качественно видоизменяются. Ученые отмечают нарастание транснационализма в результате усилившейся взаимосвязи и синергии между социальными и технологическими сетями, которые сформировались в 90е гг. 20 в. – и этой синергии значительно меньше препятствуют бюрократические структуры в условиях свободного рынка. Помимо новых требований к качеству элиты и новых стимулов развития данной социальной общности, это задает высокие темпы роста экономических и культурных трансграничных связей, формирующихся в процессе ее деятельности. Следствием интенсификации экономических связей в результате реализации многочисленных проектов транснациональных элит нередко становится

экономическое развитие включенных в эти проекты территорий, которые являются составными элементами национальных хозяйственных систем. Таким образом, энергия и квалификация транснациональных элит могут быть канализованы в интересах государственного строительства. Транснациональные элиты, даже представляя собой быстро распадающиеся, слабо консолидированные на основе срочных проектов социальные общности, играют важнейшую роль в современном развитии государства и общества. И в целом, как утверждают исследователи, «транснационализм нарастает, транснациональные сообщества будут все больше влиять на деятельность, отношения и идентичности все большего числа людей» [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Khagram S., Riker J. V., and Sikkink K.* Restructuring World Politics: Transnational Social Movements, Networks, and Norms. University of Minnesota Press (Minneapolis), 2002.
2. *Бек У.* Космополитическое общество и его враги. Журнал социологии и социальной антропологии, № 3. 2003.
3. *Held D.* Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance. Blackwell Publishers, 1995.
4. *Joppke C.* Asylum and State Sovereignty. A Comparison of the United States, Germany, and Britain. Comparative Political Studies. 1997. №30.
5. *Боммес М.* Международная миграция и дерегуляция коллективных форм социальной идентичности в национальных государствах. http://www.cisr.ru/files/publ/Migr_Bommes.pdf
6. Migration and Development: the Question of Migrant “Remittances” (Transfers) // http://www.diplomatie.gouv.fr/en/france-priorities_1/development_2108/immigration-migration_2396/migration-and-development-the-question-of-migrant-remittances-transfers_9619.html
7. *Глушченко Г.* Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития // Мировая экономика и международные отношения. №12. 2005.

8. *Guarnizo L.E.* The Economics of Transnational Living // *International Migration Review*. 2003. V. 37. № 3.
9. *Бредникова О., Кайзер М.* Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // *Миграция и национальное государство*. СПб., 2004.
10. *Milani Carlos R. S.* Transnational social movements in a globalizing world: a methodological approach based on the analysis of the world social forum // *The workshop papers*. Universite de Montreal. 27-28 April 2006.
11. *Castles, S., and Miller, M.J.* *The Age of Migration*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 2003.

Московский

государственный университет

14 сентября 2010 г.
